

А ЮНОША ИГРАЛ, А ДЕВУШКИ РЫДАЛИ...

Два сольных концерта дал пианист Евгений Кисин в Москве, собрав переполненный зал и вызвав сумасшедший восторг публики. А перед этим состоялось еще одно его выступление, которое удалось послушать гораздо меньшему количеству народа: в Бетховенском зале Большого театра после вручения ему премии "Триумф" он произнес ответную речь, которая сделала бы честь нобелевскому лауреату:

— Человек сам творит свою судьбу. Однако прелесть жизни состоит в том, что не все в ней происходит согласно нашим планам. Сюрпризы делают жизненный путь интереснее, богаче и ярче...В моей игре очень рано стало проявляться свойство импровизационности. На особенно удачных своих концертах я подчас делал вещи, неожиданные для меня самого.

В общем, да здравствует счастливая непредсказуемость! Вот смысл уверенной и эффектной речи триумфатора, организованной так логично, со столь умело просчитанной кульминацией и вовремя вставленными ироническими замечаниями (например, реплика о полученной на год отсрочке от военного призыва, позволившей Кисину приехать в Москву, вызвала хохот и аплодисменты публики), что она уж совсем не походила на импровизацию. А потом Женя сел за рояль. Но оказалось, что неожиданности бывают и неприятными. Мало того что из-за духоты клавиш рояля тут же стали влажными, первый же взятый в басу звук оказался столь дребез-

жащим, что стало ясно: настройщик к этому роялю не прикасался давно. Поэтому Кисин ограничился исполнением двух рахманиновских прелюдий, а публика разошлась в предвкушении концертов в Большом зале Консерватории.

А там — лом народа, сидящего на ступеньках галерки, перебивающие музыку звонки сотовых телефонов, попытки публики в партере аплодировать между частями, высокие цены на билеты.

Программа, абсолютно идентичная в обоих концертах, выстроена столь же грамотно, как и речь: в начале каждого отделения — произведение, в котором можно продемонстрировать фи-

лософскую концептуальность (Чакона Баха—Бузони и Прелюдия, хорал и fuga Франка), затем — сочинения романтические, наполненные контрастами, где прекрасно раскрываются техника пианиста и его склонность к сонорным эффектам ("Крейслериана" Шумана и четыре трансцендентных этюда Листа) и, наконец, чисто виртуозные "бисовки", чтобы окончательно поставить публику на уши. Впрочем, приоритет виртуозности и игры с динамическими эффектами чувствовался изначально и развивался по нарастающей. Много было и обещанных сюрпризов: Чакона местами звучала так, как будто ее написал не Бах, а Рахманинов, мазурка Шопена казалась написанной Дебюсси, а "Вечное движение" Вебера прозвучало уж совсем как этюд Черни—Гермера.

— А на бис Женя Кисин сыграл хроматическую гамму от "до", — мрачно прошептал чей-то голос. Но основная часть публики стонала от восторга. Какая-то юная девушка в экстазе вытирала слезы (причем Кисин в это время играл веселенький "Военный марш" Шуберта). В криках из партера "браво" в лидеры вырвался мужской тембр. Именно он и грянул вдруг в середине "Кампанеллы", когда пианист всего лишь остановился на доминанте. Но я понимаю этого странного фаната, не способного отличить окончание пьесы от ее середины.

Кисин и вправду был великолепен. Ведь он знает, что нужно публике. А ей нужны сюрпризы, неожиданности, сонорные эффекты и быстро бегущие пальцы. Куда же делся нервный, болезненный, гениальный ребенок, заставлявший когда-то своей игрой сжиматься от боли сердце? Да никуда. Он просто вырос (может быть, даже занялся спортом) и преуспел. Это ли не истинный триумф?

Фото Сергея ТЕТЕРИНА.

Евгений Кисин и его "Триумф".

Екатерина КРЕТОВА.